

RU

Темпоральные образы в путешествиях «массового сентиментализма»: от личного к идиллическому

Кублицкая О. В.

Аннотация. В статье проанализирована система темпоральных образов в текстах путешествий «массового сентиментализма» (на примере сочинений В. В. Измайлова, П. И. Шаликова и П. И. Сумарокова) в контексте парадигмы «социальное – культурное – художественное время». Цель исследования состояла в обосновании тезиса об образе времени как характеристике способа восприятия субъектом некоего события / цепочки событий в квазиисторической ретроспективе, в связи с чем были выделены три компонента перцептуального времени (время субъекта / личное время; историческое время, идиллическое время) и уточнены их определения. Научная новизна исследования усматривается в установлении способов выражения указанных компонентов в ранее не изученных в данном аспекте текстах путешествий «массового сентиментализма», что дополняет представления о специфике литературного процесса в России на рубеже XVIII-XIX столетий, в том числе об экспликации темпоральных представлений в путевой прозе. В результате определено, что образ эпохи в путешествиях «массового сентиментализма» реконструируется на основе пространственных впечатлений, ядром темпорально-образной структуры выступает личное время (в динамике частных впечатлений, в том числе точно фиксируемых), а периферией – система образов различных исторических эпох (от Киевской Руси до XVIII столетия) и вариативные идиллические конструкторы.

EN

Temporal images in the travels of “mass sentimentalism”: From personal to idyllic

Kublitskaya O. V.

Abstract. The article analyzes the system of temporal images in the travel texts of “mass sentimentalism” (using the works by V. V. Izmailov, P. I. Shalikov and P. I. Sumarokov as an example) in the context of the paradigm “social – cultural – artistic time”. The aim of the research is to substantiate the thesis about the image of time as a characteristic of the way the subject perceives a certain event / chain of events in quasi-historical retrospect, in connection with which three levels of perceptual time (time of the subject / personal time; historical time, idyllic time) were identified and defined. The scientific novelty lies in determining the ways of expressing these components in the travelogues of “mass sentimentalism”, which have not been studied in this aspect before, adding to the ideas about the specifics of the literary process in Russia at the turn of the 18th and 19th centuries, including the explication of temporal representations in travel prose. It is concluded that the image of the epoch in the travels of “mass sentimentalism” is reconstructed on the basis of spatial impressions. The core of the temporal-image structure is personal time (in the dynamics of private impressions, including accurately recorded ones), while the system of images of various historical epochs (from Kievan Rus’ to the 18th century) and variant idyllic constructions form the periphery.

Введение

Проблема художественного времени и шире – феноменологии времени является предметом исследования не только филологии, но и ряда других наук, в частности, философии, истории, психологии, социологии, что связано в том числе с так называемым «темпоральным» поворотом, произошедшим в европейской науке XX столетия. Он, «как и почти все предшествующие “повороты”, включая “лингвистический”, “культурный”, “имперский”, “глобальный” и “пространственный”, обещает открыть новые исследовательские горизонты, на этот раз – в истории конструирования и восприятия времени» (Олейников, 2021, с. 8).

Вместе с тем изучение временного измерения текста в литературоведении является основой филологического анализа, так как мир художественного произведения существует в системе «пространство – время».

Реконструкция текстового мирообраза позволяет не только охарактеризовать специфику конкретного произведения, но и соотносить его с имеющимися жанровыми образцами, а затем и вписать в контекст определенного направления. В случае с сентиментализмом перед исследователем стоит комплексная задача: с одной стороны, в истории изучения данного направления в русской литературе существует ряд лакун, связанных с осмыслением поэтики текстов так называемого «массового сентиментализма» за авторством писателей – последователей и подражателей Карамзина, что дает возможность применять в ходе анализа традиционную методологию; с другой стороны, исследование темпоральной структуры сентиментальной прозы на основе актуальных теоретических положений о художественном времени расширяет представления о его феноменологии и позволяет дополнить сведения о литературном процессе рубежа XVIII-XIX веков в России. Это обуславливает актуальность настоящего исследования.

Безусловно, время осмыслялось еще философами древности: в частности, в Античности оно рассматривается, в числе прочего, в связи с представлениями о космосе в сложной мифологической парадигме; в эпоху Средневековья время выступает элементом дихотомии «частное (человеческое) – вечное (божественное)»; ренессансное время становится субъективно детерминированным, а в эпоху Нового времени оно оказывается связанным с пониманием научного прогресса.

Исследователи отмечают, что время – «генетически более позднее понятие, чем пространство» (Чугунова, 2008, с. 123), а концептуализация времени связана с его пониманием либо как фундаментального свойства человеческого мышления, либо в качестве абстрактного порождения сознания, реализуемого «через сравнение наблюдаемых событий внешнего мира» (Чугунова, 2008, с. 123-124). Время, будучи категорией максимально отвлеченной, подвергается попыткам визуализации: как линия (горизонтальная или вертикальная), спираль, круг и т. д. Ряд исследователей говорят о специфических «осях времени», выделяя календарное, событийное и перцептивное время (Соколова, 2019, с. 8).

Время в литературоведении – категория базовая, но от этого не менее дискуссионная. Особый интерес, на наш взгляд, представляет осмысление образа времени как особого эстетического конструкта, формируемого авторским сознанием, что обуславливает необходимость решения ряда задач:

- уточнить содержание понятий «личное время / время субъекта», «историческое время», «идиллическое время»;
- построить трехчастную модель образа времени в литературе «массового сентиментализма»;
- определить ведущий способ восприятия времени авторами сентиментальных путешествий.

Для решения указанных задач использовались общенаучные методы анализа, синтеза и моделирования, а также сравнительный и структурно-описательный методы. Метод анализа позволил выявить, а синтез – обобщить теоретические представления о категориях «личное время / время субъекта», «историческое время», «идиллическое время»; структурно-описательный метод и моделирование использовались для характеристики системы темпоральных образов в избранных сочинениях «массового сентиментализма»; сравнение указанных моделей позволило сделать вывод о ведущих способах восприятия времени.

Материалом исследования явились тексты, объединенные общим маршрутом путешественника и созданные примерно в одно и то же время:

- Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: в 4-х ч. М.: Типография Христоф. Клаудия, 1805. Ч. 1-3;
- Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году: с историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800;
- Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская типография, 1803-1805;
- Шаликов П. И. Путешествие в Малороссию, изданное К. П. Шаликовым. М.: У Люби, Гария и Попова, 1803-1804а;
- Шаликов П. И. Другое путешествие в Малороссию, изданное К. П. Шаликовым. М.: У Люби, Гария и Попова, 1803-1804б.

Теоретическую базу исследования составили работы в области исследования хронотопа в литературоведении, концептуальным основанием которого явилось суждение М. М. Бахтина «о неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства)» (1975, с. 234), и мысль Н. К. Гей о том, что «временные измерения образа оказываются тесно связанными с проблемами показа исторического времени. Оно становится своеобразным “пространством” развертывания событий и средством саморазвития образа» (1974, с. 263). В анализе системы темпоральных образов мы опирались на идею Б. А. Успенского (1970) о фиксации позиции повествователя во времени и концепцию полимодальных конфигураций времени истории и времени дискурса Ж. Женетта (1998). Важными для настоящего исследования стали положения о дихотомии фабульного и сюжетного времени (Томашевский, 1925) и многообразии субъективного восприятия времени (Лихачев, 1979).

Ряд работ общего характера позволили сформировать целостное представление об основных результатах осмысления категории времени на современном этапе, в частности: время и вечность, течение времени (Аскин, 1961); время и память (Ассман, 2014); время историческое, всемирно-историческое, локально-историческое (Барг, 1984); время как социальный конструкт (Гуревич, 1969); время в культуре, календарное время (Зелинский, 1978); время мифологическое и историческое (Кнабе, 1993); время культурное и социальное (Кузнецова, 2008); время и пространство как формы социального бытия и категории сознания (Лой, 1978);

время в иерархии социальных ритмов (Молчанов, 1977); связь времени и сознания, времени и рефлексии, времени и бытия (Молчанов, 1988); время как категория исторического дискурса (Koselleck, 2004; Савельева, Полетаев, 1997). Ряд важных положений были подчерпнуты из исследований антропологических измерений времени (Трубников, 1987; Fabian, 2004; Gell, 2001; Moroşanu, Ringel, 2016; Munn, 1992) и временных ландшафтов (Adam, 1998; Bluedorn, Standifer, 2004).

Практическая значимость исследования состоит в расширении представлений о специфике временной структуры текстов «массового сентиментализма». Полученные данные могут быть использованы в преподавании курсов истории русской литературы в вузах, проведении спецкурсов и спецсеминаров по поэтике путевой прозы и прозы русского сентиментализма, подготовке диссертаций, учебных и научных изданий.

Обсуждение и результаты

Мы будем оперировать следующими категориями: время; художественное время; образ времени / темпоральный образ. Время в историософских и историографических концепциях часто выступает как время социальное – «коллективное перцептуальное [время], универсалия культуры, содержание которой лежит в основе концептуального [время], конституирующегося в феномене истории как осознанной процессуальности социальной жизни» (Можейко, 1999). А. Я. Гуревич отмечает, что «социальное время различно не только для разных культур и обществ, но оно дифференцируется и в рамках каждой социально-культурной системы в зависимости от ее внутренней структуры. <...> Иными словами, в обществе всегда существует не какое-то единое “монолитное” время, а целый спектр социальных ритмов, обусловленных закономерностями различных процессов и природой отдельных человеческих коллективов. ...[р]итм протекания этих процессов и функционирования социальных форм образует иерархию социального времени данной системы. Общество не может существовать, не достигнув известной степени координации множественных социальных ритмов» (1969, с. 112-113).

Художественное время, как и время социальное, имеет сложную структуру. Подобно времени в философии, оно рассматривается как «несущая конструкция» художественной картины мира (в частности, в доминирующей ныне концепции хронотопа, перенесенной М. М. Бахтиным (1975, с. 234) из области естествознания в сферу литературоведения). Иными словами, художественное время в литературе есть прежде всего способ трансляции квазиреальных темпоральных отношений в тексте.

С понятием времени тесно связана и такая категория, как темпоральный образ, который является культурно детерминированным. Образ времени выступает специфическим конструктом, который характеризует способ восприятия субъектом определенного события / цепочки событий в квазиисторической ретроспективе. «Речь идет об образе времени, складывающемся в сознании, и о тех качествах, которыми наделяется этот образ» (Савельева, Полетаев, 1997, с. 73). Иными словами, образ времени может быть интерпретирован как специфический эстетический конструкт эпохи, который существует в сознании субъекта как самостоятельное художественное целое, а «[м]ногообразие темпорального опыта находит свое отражение, с одной стороны, в системе языковых категорий и единиц, с другой, в дискурсе, в частности – в художественном тексте» (Заботкина, Коннова, 2021, с. 19).

Важно говорить и о различных модусах восприятия времени как параметрах локализации, которые «целиком зависят от автора и характеризуют его отношение к миру реальному, составляют оценку этого мира, выдвигают авторскую версию его» (Семёнов, 2020, с. 105-106).

Применительно к анализируемым текстам сентиментальной прозы целесообразно, на наш взгляд, говорить о трех моделях времени:

- личное время субъекта (бытовое), трактуемое как особая последовательность частных событий в линейной перспективе. Здесь важны темпоральные маркеры, избираемый субъектом тип повествования (как правило, в случае с путешествиями – дискретно-анналистический в формате подневных записей);
- историческое время, понимаемое нами в рамках настоящей статьи как образ эпохи, запечатленный в сознании субъекта. Эпоха оказывается явленной через определенные маркеры, и, как правило, их временной признак вторичен – это конкретные исторические деятели, ключевые события (в основном военно-политического характера – кампании, битвы, места сражений, факты присоединения территорий и т. п.), культурно-исторические комплексы (мода определенного периода, писатели и т. д.);
- идиллическое время, интерпретируемое в контексте творческого метода сентиментализма как особую темпоральную условность. Идиллия, истоки которой обнаруживаются еще в Античности, в частности, в творчестве Феокрита, трансформируется в европейской литературной традиции в пастораль и имеет специфические пространственно-временные приметы: «...на оси времени... характеризуется противопоставлением негативно оцениваемого настоящего идеальному прошлому (Золотому веку), или же: настоящего – утопическому будущему, исторического времени – времени природному (его идеальное воплощение – знойный летний полдень), а также – прекрасному “остановленному мгновению”, вне-временности, своеобразной пасторальной вечности» (Пискунова, 2008).

Очевидно, что структура временных отношений в анализируемых текстах будет среди прочего жанрово детерминированной (вспомним, что дифференцирующим признаком жанра Н. Л. Лейдерман (2010, с. 47) назвал образ мира, им создаваемый). Несмотря на наличие в названии каждого из сочинений слова «путешествие», эта номинация является нестройной и охватывает значительное количество жанровых моделей, объединенных идеей реального или вымышленного перемещения в пространстве (дневник, записки, эпистолярный и т. д.).

Наконец, пространственноцентричная специфика путевой прозы формирует иерархию в системе «пространство – время», что актуализирует идею топохрона, понимаемого как «пространственно-временной континуум, культурно-историческая среда, в которой пространству принадлежит более важная роль, чем времени» (Эпштейн, 2003). В частности, отмечается, что «[в]ремя в России вытесняется пространством (физическим и метафизическим)... Чем обширнее становилась Россия, тем медленнее текло в ней историческое время – и, наоборот, сокращаясь в пространстве, она убыстрялась во времени» (Эпштейн, 1990). Исходя из указанных положений, мы и будем анализировать избранные образцы путевой прозы «массового сентиментализма».

«Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова (1805) представляет собой эпистолярный в четырех частях. Текст претерпел глубокую редактуру от первого издания 1802 к публикации 1805 года, что в итоге привело исследователей к заключению, что «можно говорить о двойной природе произведения, сентиментальной и просветительской» (Соловьев, 2012, с. 107). Отличительными особенностями эпистолярия являются наличие реального или вымышленного адресата и датировка (в анализируемом тексте отсутствует). Обнаруживается тенденция к объединению писем в микроциклы, связанные с описанием отдельных мест. Темпоральными маркерами выступают указания на смену времени суток и дней недели.

«Путешествие в Малороссию» и «Другое путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова (1803-1804а; 1803-1804b) тяготеют к жанру записок, каждая глава имеет свое название, но датировки отсутствуют, что свидетельствует о пространственноцентричном подходе автора. В концептуальном отношении диалогия является доведенным «до абсолюта образцом путешествия чувств и впечатлений» (Киселев, Васильева, 2015, с. 22-23). Темпоральные маркеры аналогичны тем, что использует Измайлов.

«Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест» (1800) и «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду» П. И. Сумарокова (1803-1805) отличает точность датировки (автор в целом строг к формулировкам, указывая, помимо прочего, точные расстояния между населенными пунктами, а также пользуясь упомянутыми выше темпоральными маркерами). Отмечается, что «Сумароков, как любой автор текста о путешествии, стремится к точности изображения увиденного. Но, специфика жанра такова, что говорить об абсолютной объективности автора не приходится» (Фарафонова, 2017, с. 74).

Личное время субъекта, который в данном случае является как субъектом сознания, так и субъектом (Корман, 1972, с. 20), манифестировано в динамике личных впечатлений (Измайлов, 1805; Шаликов, 1803-1805), а также в их точной фиксации (Сумароков, 1800).

Я стою иногда по часу (здесь и далее – курсив автора статьи. – О. К.) на одномъ мѣстѣ, внимая в тишинѣ ревущему морю (Измайлов, 1805, ч. 3, с. 25).

Иду по полю и каждой шагъ сопровождаю вниманіемъ: не хочу ступить такъ, чтобы шагъ мой пропалъ для меня – хочу чувствовать, что гуляю по полю (Шаликов, 1803-1804а, с. 55).

Размѣръ времени не бывает веренъ (Шаликов, 1803-1804b, с. 214).

Я не могъ скоро разлучиться с Бейдарами, взоръ мой более трехъ часовъ наслаждался таковымъ необыкновеннымъ зрелищемъ (Сумароков, 1800, с. 109).

Историческое время реконструируется на основе пространственных впечатлений («время идет за пространством») в текстах В. В. Измайлова и П. И. Шаликова; у П. И. Сумарокова оно связано с воображаемым ландшафтом.

Конечно, Владимиръ часто *стоялъ на сѣмъ мѣстѣ*, предавался глубокимъ размышленіемъ, и вопрошалъ природу о великихъ ея таинствахъ (Измайлов, 1805, ч. 1, с. 59).

На семъ полѣ передъ блестящимъ памятникомъ славы, патриотъ гордится воспоминаніемъ того безсмертнаго дня, когда Верховный Посредникъ Царствъ и народовъ, возложивъ на вѣсы жребія двухъ великихъ соперниковъ, склонилъ ихъ в пользу сильнѣшаго Царя и достойнѣшаго Героя (Измайлов, 1805, ч. 1, с. 116).

На самомъ этомъ мѣстѣ рѣшилась в несколько часовъ судьба сильнѣшаго Государства въ свѣтѣ (Шаликов, 1803-1804а, с. 98).

Клію развернула предъ мысленнымъ взоромъ моимъ хартію свою (Шаликов, 1803-1804а, с. 129).

Я представляю славу и силу сего горделиво-возносящегося града и бывшего Столицею Россовъ тогда, какъ Москвы едино мѣстоположение только существовало. Величіе его въ воображеніи, упадокъ же униженіе передъ глазами. О время! Ты поглощаешь вѣка, опровергаешь царства, осушаешь моря, сѣдаешь мраморы и металлы, то дивно ли, что бранные челоуѣки тобою разрушаемся? (Сумароков, 1803, с. 19).

Идиллическое время маркировано в текстах наиболее разнообразно. В. В. Измайлов реконструирует культурные концепты, П. И. Шаликов фиксирует вечность; П. И. Сумароков опирается на абстрактные категории.

Древние Греки в прекрасной странѣ, оживленной еще прекраснѣшаю фантазией, дыша Пѣитическимъ воздухомъ... вдыхали в себя чувство красоты (Измайлов, 1805, ч. 2, с. 24).

Имя Овидія, жаркая любовь его, печальная жизнь на берегахъ Понта, пѣсни горести и утѣшенія – все, однимъ словомъ, что имя Овидія напоминаетъ воображенію, представлялось мне такъ живо... (Измайлов, 1805, ч. 2, с. 6970).

...я обнималъ холодной камень – и мои стѣнания уносились вѣтромъ – и мои слъзы падали на безчувственную зѣмлю (Шаликов, 1803-1804а, с. 110).

Могила друга моего, на сельскомъ пустынномъ кладбищѣ, оѣняется вишневыми деревьями (Шаликов, 1803-1804а, с. 112-113).

Тишина по жестокой погодѣ, благополучіе послѣ претерпенныхъ бѣдствіи, радость по печали, свиданіе по разлукѣ побѣда после упорнаго сраженія намъ кажутся гораздо приятны (Сумароков, 1803, с. 86).

В текстах Измайлова и Шаликова отсутствует датировка: в первом случае автором избрана эпистолярная форма, которая организует дискретно-анналистическую нарративную структуру (вместе с тем время «идет» за пространством, и несколько писем могут быть посвящены одному населенному пункту); во втором мы имеем дело с путевыми записками, каждая глава имеет абстрактную номинацию, связь «пространство → время» сохраняется, однако частично нивелируется – время продолжает «следовать» за пространством, но зачастую одна глава может вмещать описание нескольких дней пребывания и ряд населенных пунктов, равно как и наоборот. П. И. Сумароков документально точен не только в характеристике расстояний между населенными пунктами, но и в перечислении дат пребывания в них. Принцип номинации глав – географический.

Образ эпохи явлен в анализируемых текстах разнопланово, однако базируется на реконструкции темпоральных образов на основе пространственных. Как правило, для авторов оказываются значимыми три исторические фигуры: креститель Руси князь Владимир (актуализирован в контексте описания Киева В. Измайловым), император Петр I (при описании Полтавского поля Измайловым и Шаликовым), императрица Екатерина II (часть маршрута Измайлова по Крыму). Отдельно следует отметить ряд неперсонализированных исторических реминисценций, в частности упоминание Сумароковым Великого Новгорода как одного из древнейших исторических центров Киевской Руси. В целом авторами устанавливается связь великого прошлого российского государства и его непростого, но славного настоящего. Отмечается вклад Петра I и Екатерины II в реализацию масштабных геополитических проектов.

Идиллическое время конструируется авторами разнопланово: через реконструкцию культурных концептов (Измайлов); внепространственную и вневременную препозицию (Шаликов); абстрактное философствование (Сумароков). Измайловым предприняты попытки установить значимые взаимосвязи с античным прошлым; Шаликов описывает личные переживания в контексте формирующейся кладбищенской традиции; Сумароков рассуждает о ключевых общефилософских категориях.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что сентиментальные путешествия, объединенные общими пространственными параметрами, обнаруживают ряд конститутивных признаков трансляции временных образов, что позволяет сделать следующие выводы:

- установлено, что восприятие времени авторами анализируемых текстов оказывается пространственно-центричным, а пространственно-временная структура – топохронной (Эпштейн, 1990);
- подтверждено, что модель образа времени является трехчастной. Ядром выступает восприятие личного времени (в динамике частных впечатлений разной степени конкретизации (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов), в том числе точно фиксируемых (П. И. Сумароков)), периферией – перцепция образов различных исторических эпох (от Киевской Руси до XVIII столетия), которые реконструируются на основе реальных или воображаемых ландшафтов, а также разнообразные идиллические конструкты;
- уточнено, что ориентация на жанровые образцы сентиментальной прозы оказывается в большей степени формальной – авторы оказываются в ином пространстве и переживают более частные, чем условно-чувствительные, опыты.

Характеристика выявленной нами специфики темпоральных образов в ходе анализа других образцов сентиментальной прозы, в том числе повести, видится перспективой настоящего исследования.

Источники | References

1. Аскин Я. Ф. К вопросу о сущности времени // Вопросы философии. 1961. № 3.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
3. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
5. Гей Н. К. Время и пространство в структуре произведения // Контекст: литературно-теоретические исследования: сборник / ред. А. С. Мясников. М.: Наука, 1974.
6. Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3.
7. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры: в 2-х т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2.
8. Заботкина В. И., Коннова М. Н. К вопросу об экспликации темпорального опыта в художественном тексте: аксиологический аспект // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58).
9. Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст-1978. Литературно-теоретические исследования / ред. Н. К. Гей. М.: Наука, 1978.
10. Киселев В. С., Васильева Т. А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин) // Имагология и компаративистика. 2015. № 2 (4).
11. Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик, 1993.
12. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972.

13. Кузнецова Т. Ф. Культура и время // *Фундаментальные проблемы культурологии: в 4-х т.* СПб., 2008. Т. 1. Теория культуры / отв. ред. Д. Л. Спивак.
14. Лейдерман Н. Л. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург: УрГПУ, 2010.
15. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
16. Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «Время» и «Пространство». К.: Наукова думка, 1978.
17. Можейко М. А. Социальное время // *Новейший философский словарь* / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1999.
18. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высш. шк., 1988.
19. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М.: Наука, 1977.
20. Олейников А. Время истории // *Логос*. 2021. № 4.
21. Пискунова С. И. Пастораль. 2008. <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/piskunova-pastoral.htm>
22. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры; Кошелев, 1997.
23. Семёнов А. Н. Художественное пространство и художественное время // *Слово. Текст. Контекст*. 2020. № 1.
24. Соколова Г. А. Модели времени в художественном тексте // *Интерактивная наука*. 2019. № 7 (41).
25. Соловьев А. Ю. Эдиционные проблемы «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова // *Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология»*. 2012. № 6.
26. Томашевский Б. В. Теория литературы (Поэтика). Л.: Госиздат, 1925.
27. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1987.
28. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.
29. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду») // *Научный диалог*. 2017. № 7.
30. Чугунова С. А. Образ времени в различных культурах: обзор // *Вопросы психолингвистики*. 2008. № 7.
31. Эпштейн М. О топохроне. 1990. https://www.emory.edu/INTELNET/es_topochron.html
32. Эпштейн М. О. Хронос (2) // *Дар слова*. 2003. Вып. 14. http://old.russ.ru/krug/20030210_dar.html
33. Adam B. *Timescapes of Modernity*. L.: Routledge, 1998.
34. Bluedorn A., Standifer R. *Groups, Boundary Spanning, and the Temporal Imagination* // *Research on Managing Groups and Teams*. 2004. Vol. 6.
35. Fabian J. *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. N. Y.: Columbia University Press, 2004.
36. Gell A. *The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images*. L.: Routledge, 2001.
37. Koselleck R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. N. Y.: Columbia University Press, 2004.
38. Moroşanu R., Ringel F. Time-tricking. A General Introduction // *The Cambridge Journal of Anthropology*. 2016. Vol. 34. Iss. 1.
39. Munn N. *The Cultural Anthropology of Time: A Critical Essay* // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21.

Информация об авторах | Author information

Кублицкая Ольга Викторовна¹, к. филол. н., доц.

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург

Kublitskaya Ol'ga Viktorovna¹, PhD

¹ Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg

¹ elkala@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.01.2024; опубликовано online (published online): 05.03.2024.

Ключевые слова (keywords): время; темпоральный образ; литература путешествий; пространство; массовый сентиментализм; time; temporal image; travel literature; space; mass sentimentalism.